

Отпусти
кого
любишь

Иосиф Гольман

Иосиф Гольман
Отпусти кого любишь (сборник)
Серия «Мужской взгляд»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=594785
Отпусти кого любишь (сборник): Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-47729-6

Аннотация

Егор Греков, Грека, к своим сорока годам добился всего, о чем может мечтать человек в его возрасте: солидная должность, соответствующие материальные привилегии, любовь сразу двух женщин, каждая из которых мечтает пойти с ним под венец.

Жизнь удалась!

Но как только он так подумал, судьба немедленно щелкнула его по носу – ему надо совершить поступок, пожертвовать если не всем, то многим.

Испытание не из легких. Хватит ли у Грекова мужества?

Содержание

Ехал Грека...	4
1	4
2	10
3	12
4	15
5	18
6	22
7	25
8	29
9	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Иосиф Гольман

Отпусти кого любишь

Ехал Грека...

1

Интересно, что Егор не любил дней рождения, отсчитывающих – в убывающем, по большому счету, порядке – годы. А вот такие декабрьские вечера любил. Хотя, по сути, что в лоб, что по лбу.

Заперся в своем новом, немаленьком кабинете, взгромоздил ноги по американскому образцу на полированный стол и закурил вкусную сигаретку. Создал антураж для спокойного – и, чего уж скрывать, приятного – подведения итогов уходящего года.

Наверное, на всем этаже никого нет. Да и не стал бы Греков при подчиненных ноги на стол задирать. Не настолько раскрепощен.

А может, и во всем здании уже никого. Только Греков и его итоги.

Итак, по порядку.

Он стал из и.о. коммерческого директора просто... директором! Такая разница пока не прибавила ему ни копейки зарплаты – выросла (и очень значительно) лишь должностная «вилка» оклада, – однако сильно приподняла престиж. Да и в материальном плане тоже все-таки сказала сразу же – соцпакет совсем другой.

А что, ему уже невредно подумать о будущем, все-таки сороковник перескочил.

Это место в итоговых размышлениях Егору не понравилось, и он вернулся к прежней, более греющей теме.

Коммерческий директор – даже не пройденный, а перепрыгнутый этап. Получена высшая в российском представительстве должность, которая, кстати, при хорошем раскладе открывает путь и в центральный, лондонский офис.

Не сказать чтобы он за нее сильно бился. По крайней мере, в интригах не участвовал. Были другие желающие поиграть в эти игры.

Он – работал. Днями, вечерами. А иногда – ночами. И как ни странно, высокое начальство – даже не свое, отечественное, а материнской компании – это усердие отметило. И эти результаты.

Да и сложно не отметить: оборот за полтора года – столько он проходил в и.о. коммерческого, фактически работая за увлеченного личным бизнесом номинального директора, – почти удвоился. В то время как «Суперколор» – компания-конкурент – наоборот, более чем вдвое ужалась, освободив Грекову поле для игры.

И поделом: нечего было раздувать щеки. Егор не забыл, как семь лет назад пришел к ним наниматься на работу. Ой, как все было круто: очередь в приемной, тесты на засыпку, штатный психолог. Именно он, говнюк, отмел тогда кандидатуру Егора. Не взяли его в ассистенты менеджера. Не отметили должной мотивации.

А какую мотивацию они хотели в нем найти?

Ну, выпускник физтеха. Ну, строил ракеты. Они, кстати, неплохо летали, да и сейчас еще стоят на боевом дежурстве, раза три срок эксплуатации продлевали и еще не раз продлят. Делали-то специалисты.

А тут краску бытовую продавать. В принципе для умного человека ничего сложного. Не сложнее, чем организовать испытания где-нибудь на отдаленном полигоне: тоже сначала ничего никому не нужно, а завязал отношения, поговорил с кем надо, подружился с кем надо (а то и даже больше чем подружился – вспомнил Егор миловидную разведенную кладовщицу, поначалу отказавшую его испытателям в валенках, а потом не отказавшую) – и дело пошло.

Как сам же Греков и сформулировал: из хорошего физика всегда можно сделать отличного спекулянта. А вот наоборот – увы.

В команду он себе тоже предпочитал набирать бывших инженеров, причем дотошно интересовался их былыми успехами на техническом поприще. И пока что практика его выводы подтверждала.

Ну да вернемся к итогам года, – оборвал Егор цепочку не туда зашедших размышлений и вновь пыхнул ароматным дымком дорогой сигареты.

Команду, наконец, тоже можно считать собранной. Это было непросто, зато результаты радуют.

Сережа Смирнов, главный спец по продукту. Был хорошим химиком, стал хорошим продавцом-консультантом. Конечно, в магазинах покупатели с ним не общаются. Но на дилерских семинарах нет докладчика лучше: мало того что здорово понимает, так еще и понятно объясняет. Именно через него Егор пропускает всех этих патлатых рекламных копирайтеров, которым что колготки рекламировать, что ракеты – все едино. А в его компании – нет: их полет фантазии целиком регулируется реальными свойствами продукта, благо продукт действительно хороший.

Конечно, сам Егор с большим удовольствием продолжил бы заниматься чем-нибудь летающим, но раз не сложилось, он способен полюбить и такую приниженную бытовуху. Ну, пусть не полюбить – заинтересоваться. А то тот чокнутый психолог именно любви требовал, причем большой и настоящей.

Тут Егору пришла в голову забавная мысль: когда «Суперколор» окончательно разорится, взять того психолога к себе на работу. И чтоб каждое утро аргументированно объяснял, за что любит краски «Грэйтвуд» – их товар – и за что ненавидит продукцию его бывшей компании. Причем чтоб убедительно объяснял. Не убедил – день без зарплаты.

Ладно, переходим ко второму удачному приобретению года.

Семен Гольц. Егор давно его знает. С виду – мелкий проходимец, типичный доставала. В смысле, всех знает, все может достать. Греков тоже кое-что через него покупал – не для себя, для сына. Гольц не подвел ни разу.

С предыдущей работы Сеню вышибли с треском. За махинации, приведшие к серьезным финансовым потерям. Греков махинаторов не любил, но в данном случае заинтересовался.

И не зря. Чутье не обмануло. Оказывается, господин Гольц старался исключительно для компании. Себе на карман не взял ничего. И мысль была весьма забавной: закон-то ведь что дышло. Ввез готовую технику – платишь большую пошлину. А ввез ее же и на российской территории прилепил ярлычок – уже участник производства, пошлин гораздо меньше.

Так что все правильно сделал Гольц, ошибочку только в конце цепочки допустил. Чиновник, видно, ждал взятку за разрешительные документы, а Гольц, считая, что все уже

сделано – устное обещание было получено, – притащил сразу две крупные партии с уменьшенной таможенной пошлиной. Плюс невезение: нарвался на централизованную проверку, здесь уже и взятка ничего не ускорила. Или нужна была бы очень большая взятка.

Короче, полезный человек Семен Гольц. И с логистикой наконец разобрался: Егор представил себе бесчисленные ряды бочек, бочонков и ведерок с краской на их гигантских складах. Когда в первый раз увидел – просто был потрясен: казалось, хватит всю страну разом перекрасить. И все это надо было сначала ввезти – то есть заказать, оплатить, доставить и растаможить, – а потом вывезти, выполнив заявки всех дилеров и крупных оптовиков.

Именно Семен продал идею собственного транспорта. Сначала от нее все отбивались, сейчас ведь моден аутсорсинг, то есть обратный процесс; каждый должен, мол, заниматься своим делом. Но Гольц просчитал, что собственные трейлеры при их грузопотоках все окупят. Плюс заберут задешево оборотную тару. Плюс понесут на своих могучих бортах имиджевую рекламу любимой компании.

Все так и вышло.

Нет, покупке Гольца, безусловно, следует отнести к достижениям года.

Тут Егор встал, присел пару раз – ноги затекшие размял. Подошел к холодильнику, замаскированному в полированной, из деревянного массива, офисной мебели – в его должности ДСП уже не пользуют – и достал запотевшую с морозца бутылку «Московской». Все новое любил Греков – вон и дверца мягко, на газовых амортизаторах, сама отползла на место, и музыка по мановению пульта возникла из ниоткуда, – а водку Егор пил старую, привычную. Ну их, все эти «Хеннеси»! Этикетки красивые, а голова потом болит.

Из скрытых динамиков доносилась приятная музыка. Егор сто раз ее слышал, такую популярную классику, но все равно не помнил ни автора, ни названия. Впрочем, музыка от этого хуже не становилась.

Умелым движением свернув «Московской» «голову», Егор налил себе до краев – но в крошечную рюмочку. Потом, вспомнив самое важное – почти сакральное, вернулся к холодильнику и достал из него банку крохотных маринованных огурчиков. Это не из магазина. Это уже Мария Васильевна постаралась. Секретарша.

Все начальники длинноногими и молодыми помощницами хвастаются. А Мария Васильевна молодой была лет сорок назад. Зато бумаги у нее всегда в идеале, людей, до которых нельзя дозвониться, вообще не бывает, а вот к нему через бабу Машу – как дразнят ее злые девки из бухгалтерии – прорывается только тот, кто ему, Грекову, в данный момент нужен.

Что, безусловно, правильно. Не работай там, где трахаешься, не трахайся там, где работаешь.

Прокрутив в мозгу легендарную сентенцию, внезапно остановился. Даже огурцом хрустеть перестал. А кто ж тогда Валентина? Разве не сослуживица? И даже отчасти подчиненная. Не напрямую, но все же начальник планового отдела получал указания и от него тоже.

Егор вдруг совершенно явственно ощутил под ладонями гладкую кожу начальницы планового отдела. На цвет – белая-белая, а под пальцами – как шелк. Просто Снежная Королева.

Даже бедра такие же гладкие и белые, особенно с внутренней стороны. И без каких-либо следов целлюлита.

И груди красивые, крепкие, как на рекламах косметических клиник. Баба Маша, правда, чего-то там говорила про силикон, но Греков не верил. Просто тетки, пусть и старые, не в состоянии простить другим теткам красоту.

Егор даже глаза прикрыл, представив, как Валентина, выйдя из душа, разом скидывает с себя длинный полупрозрачный палантин – Егор привез его из Парижа. Нет, определенно надо к ней сегодня ночью заехать.

Тут, правда, есть маленькая загвоздка: Валентина – дама эмансипированная и самодостаточная. А потому встретиться им сегодня или не встретиться, решать будет именно она. Так же, как и все остальное в их не столь уж и коротких отношениях. Полгода как перешли на «ты». И практически столько же – как стали проводить вместе одну-две ночи в неделю.

Но вот ведь закавыка: даже про себя он называет ее не Валя, Валенька, Валюха, а Валентина. Ее иначе никто и не зовет. Только все с отчеством – Валентина Алексеевна. А он, как особо приближенный, отчество опускает.

Вот и назвался главный итог прошедшего года.

Валентина.

Его Снежная Королева.

Первая жена ушла почти десять лет назад, решив, что с инженером-ракетчиком она уже появляющихся новых праздников жизни точно не вкусит – зарплата не та. Сама-то ушла в бизнес одна из первых. И, по неподтвержденным слухам, до сих пор заведует палаткой с «колониальными» товарами на привокзальной площади их маленького городка.

Ушла она тогда не только в бизнес, но и к небезызвестному Степану, местному «авторитету». Он за ней со школы ухлестывал, но со своими восьмью классами не выдержал конкуренции с блестящим выпускником физтеха. А вот теперь, когда завод вместо ракет стал выпускать кастрюли, взял, стало быть, реванш.

Ладно, чего старое вспоминать.

К тому же Женька ушла не только из-за желания лучшей жизни. Просто их сын Алеша с рождения болен гемофилией. Той же болезнью, что и последний цесаревич. И пока Союз не развалился, худо-бедно лекарства из Москвы приходили.

Потом же их можно было только покупать. Причем за деньги, которые в принципе нельзя заработать инженеру в городке, где главное предприятие – ракетный завод.

Ну да бог с ней, с Женькой. Егор любил ее, несмотря на взрывной – а нередко просто невыносимый – характер. И после ее ухода не раздумывая подался из города. Не хотел встречаться на улицах, не хотел слышать пересуды – все же всех здесь знали.

Алименты не посылал, не хотел материально помогать бывшей супруге. Зато посылал лекарства Алеше. Те самые, добываемые через Гольца и ужас какие дорогущие, судя по имеющейся информации, Женька даже с помощью бандюка Степана на них так и не заработала.

Женька и сама приезжала. Проверяла уровень его заработков. У них фирма западная, деньги платили по-белому. Убедившись, что лекарства стоили не меньше официальных алиментов, уехала без скандала.

А в последние годы даже два-три раза привозила на пару недель сына. На курорт, наверное, ездила.

Алеша, кстати сказать, хороший мальчик. Только тихий. Видимо, сказывается заболевание: ведь ему постоянно запрещали бегать и прыгать, боялись кровотечений. На две недели он был Егору не в тягость: незаменимая Мария Васильевна и здесь все решила, мгновенно

венно найдя помощницу. Однако родственной близости к сыну Греков не ощутил: Алеша просто отбывал срок, терпеливо ожидая возвращения любимой мамыши.

Ну и ладно. Насильно мил не будешь. А для чистой совести достаточно и тех немалых денег, что уходили на лекарства. Кстати, справедливости ради надо сказать, что действовали они несравнимо лучше, чем те бесплатные, советские.

Эх, не надо было вспоминать про Женьку! Егор тяжело вздохнул. Опять заныло сердце. Не так, конечно, как тогда. Когда в открытую объявила, что уходит. Уходит безвозвратно – и к тому, к кому и так ревновал. Но все равно беспокойно.

Вообще с Женькой всегда было беспокойно. Сначала – беспокойно радостно. Потом – беспокойно грустно.

Может, потому и тянет к Валентине, Снежной Королеве? Вот уж у кого все спокойно, все продумано и все спланировано.

И опять вопрос: а так ли тянет? И почему тогда не порвал с Ленкой?

Ленка, еще одна загвоздка. Маленькая, веселая. Не очень красивая, не слишком стройная. Короче, антипод Валентине. Ни образования, ни карьерных устремлений, ни, если честно, самоуважения.

Хочет Егор – заходит. Да и не заходит даже, а звонит – Ленка прибегает к нему сама. Правда, и эту не следует доводить до кипения: как-то на пустом месте завелась аж до битья посуды. Приревновала к Валентине. А чего ревновать, ведь не жена она ему. И у нее не больше прав на Егора, чем у Валентины. Тем более что через неделю, утихнув, сама же пришла «в гости».

Непонятные они, женщины.

Нет, мысли явно пошли не по той стезе, куда их Егор решительно направлял. Зачем-то Женька вспомнилась. Вот уж точно дела с ней – не итог прошедшего года. Так и нечего вспоминать.

Он снова уселся в мягкое кресло, но приятно-созерцательное настроение было испорчено. Если додумывать до конца, то надо и решения какие-то принимать. А это пока не входило в намерения Грекова. Лучше оставить все как есть.

Ладно. На сегодня хватит. Он приподнялся в кресле, чтобы вызвать дежурного водителя, но телефон зазвонил прежде, чем Егор снял трубку. Греков аж вздрогнул от неожиданности: никто не знал, что он так поздно на работе, и искать его, даже в случае нужды, стали бы по сотовому.

– Греков слушает, – по-служебному ответил он.

– Ну здравствуй, Грека, – улыбнулись на том конце провода.

Так, Грекой – по герою старинной скороговорки – в этом мире его называл только один человек. Легка на помине.

– Узнал? – спросила Женька.

– Узнал, – ответил Егор, сдерживая сердцебиение и сам же злясь на собственное волнение. Все ведь закончилось, что ворошить!

– Не рад? – вкрадчиво вопрошала Женька. Она всегда была кошкой. Пантерой. Коброй, продолжил ряд Греков.

– А чему радоваться? – спросил он в ответ.

– Жизни... – вдруг с какой-то печалью сказала бывшая любовь. И без перерыва: – Я к тебе завтра приеду. С Лешей.

– Зачем? – Егор явно был сбит с толку. Ни о чем подобном они с прежней женой в этот раз не договаривались. И вообще у него совсем другие предновогодние планы. А свои пусть со Степаном реализует.

– Приеду – объясню, – спокойно сказала Женька и повесила трубку.

А Егор свою еще в руках повертел, как будто что-то мог услышать среди коротких гудков. Потом со злостью бросил ее на рычаг.

Вот тебе, Егор Юрьевич, и Новый год!

2

Она стояла перед парадным подъездом нарядного, недавно построенного кирпичного дома и пребывала в некоторой, как правило, не свойственной ей растерянности.

Двери были широкие, из толстого полированного стекла темно-коричневого оттенка. А открыть их было нельзя. Потому что, во-первых, на них не имелось ручек. А во-вторых – Женя сразу сообразила – здесь был кодовый замок. Пусть и не такой, к каким она привыкла в своем городке, но тоже с секретом.

– Ключик забыли, соседка? – улыбнулся ей подошедший пожилой мужчина, прижимая металлическую таблетку к подходящему по размеру гнезду на щитке.

– Да вот, – неопределенно ответила она, благодарно взглянув на «соседа». Тот галантно отошел в сторону, пропуская даму вперед, в проем, образованный бесшумно разошедшимися дверями.

«Растет благосостояние некоторых россиян», – отметила Грекова (фамилию она во втором замужестве уже не меняла), оказавшись в просторном холле. Полы из белого мрамора приятно поблескивали, строгие стены – тоже из какого-то дорогого строительного материала – гармонично подтверждали гостям: «Вы пришли в приличное место».

Молодец все-таки Егорка. Добился своего. Знать бы заранее – никакой Степан не был бы нужен. Но не могла же она спокойно смотреть, как Лешка будет умирать без хорошей еды, лекарств и очень дорогого лечения! А к этому все тогда и шло.

Нет, нечего жалеть. Что сделано, то сделано. И хватит сослагательных наклонений.

А Егор и в самом деле молодец. И она за него очень рада. И еще она рада за себя, потому что шансы на успех того, зачем она сюда приехала, от такого великолепия хоть ненамного, а подросли.

Женя сжала левый кулак – на удачу – и шагнула к вахтеру. Здесь даже вахтер был особенный: не бабуса какая-нибудь согбенная, а мордатый дядька лет пятидесяти, крепкий и с колючими глазами.

«Сколько ж стоит жить в таком домике?» – мелькнула мысль в Женькиной голове. Средних доходов небось даже на простое проживание оказалось бы недостаточно.

Мелькнула мысль – и пропала. Потому что Грекова была уже в деле. Решительная и собранная. Слишком важной была причина визита, чтобы позволить себе посторонние отвлечения.

– Вы к кому? – поинтересовался цербер, заметив некоторую заминку вошедшей женщины.

– Мне в семьдесят седьмую, – улыбнувшись, объяснила та.

– А вас ждут? – Колючие глазки сверлили Женьку насквозь. Наверняка лет двадцать-тридцать их обладатель проработал в органах. Или в отделе кадров какого-то солидного учреждения.

Но и Женька не лыком шита.

– А как вы думаете? – не снимая улыбки, спросила она, однако еле заметным нюансом интонации давая понять, что, сидя в этом вестибюле, следует быть поделикатнее. Мало ли кем она может оказаться.

Цербер сигнал принял и оценил.

– Вам направо, – вежливо объяснил он.

– Спасибо, – столь же вежливо поблагодарила дама.

Как только она скрылась за очередной полированной стеклянной дверью – на этот раз лифтового холла, – цербер снял трубку и набрал номер семьдесят седьмой квартиры. Переждав безрезультатно несколько длинных гудков, положил трубку и нажал на кнопку пульта. Теперь на большой плоский экран выводилось сразу восемь – по числу этажей – картинок.

Если ему повезет, тетка окажется воровкой, а он окажется с хорошей премией.

Женя, не зная о надеждах и приготовлениях охранника, тем временем поднималась в лифте. И вот ведь штука: лифт, обычная машина, по сути, корзина на железной веревке, и та оказалась символом народившегося в стране богатства: шла мягко, нежно даже, без малейших рывков или толчков.

Зеркала, правда, внутри не обнаружилось. Но его с успехом заменяла полированная матовая стена кабины.

Своим отражением она осталась довольна. Красива. Уверенна. Почти молода. И нужно быть полным импотентом, чтоб на нее не среагировать.

В яблочке румяненьком
Червячок точится... —

не к месту вспомнила она песенку из мультфильма. Сердце привычно заныло, но на переживания времени уже не осталось: лифт плавно притормозил и бесшумно распахнул двери.

Звонок оказался мелодичным, с мягким наполненным звуком. А к двери никто не подошел.

Как же так? Утром же созвонились. Когда она новый адрес выясняла. Может, не хочет с ней встречаться? Нет, это на Егорку не похоже.

Она еще раз нажала на кнопку звонка.

Внезапно дверь распахнулась, и на пороге возник Егор. Одна его щека была идеально гладкой, а вторая – неизвестно какой, потому что ее напрочь закрывала густая белая пена.

– Извини, Женька, в этой чертовой квартире из одного конца в другой надо курьеров посылать.

– Так это ж здорово, – улыбнулась бывшая жена. – Не наша «малосемейка», помнишь? – И поцеловала бывшего мужа в уже выбритую, приятно пахнущую щеку.

Охранник недовольно выключил камеру. Нет, в этот раз ему премию не заработать.

3

Валентина сегодня встала поздно. Что-то так не захотелось следовать как всегда расписанным планам! В итоге пропустила ежедневную сорокаминутную – разработанную специально для нее – зарядку. Да еще потом двадцать минут провалялась в постели просто так, уже без сна.

Это на нее общение с Грековым разлагающе влияет, решила она. Тот еще разгильдяй. За все время отношений ни разу вовремя не пришел.

Критически припомнила Валентина Егоровы особенности, а на душе стало теплее. Похоже, этот полуслужебный роман имеет шанс перерасти во что-то более серьезное.

Мысль была приятной: не раз уже она подумывала о том, что пора. В новом году – тридцать. Первый юбилей из нерадостных.

Все планы, поставленные до тридцатки, выполнены, и даже с лихвой. Должность, зарплата, квартира, машина. Теперь, пожалуй, уже можно сказать, что она никогда не повторит печальную судьбу своей мамочки. Всю жизнь просидела мамочка за спиной у супруга, а тот возьми да и влюбись на склоне лет.

Полтинник отметил, потом – серебряную свадьбу с Валиной мамой. А потом обычную – с библиотекаршей из районной библиотеки.

Валентина-то уже не совсем ребенком была, в институте училась, много чего понимала.

Но только не в этом случае.

Девка – самая обычная, даже хуже обычной. Без макияжа. С чулками перекрученными. В платьях-балахонах, хотя совсем не толстая. Зато интеллектуальная безумно в отличие от мамочки, которая была все больше по хозяйству.

Ну и моложе в два раза, что тоже не отнять, как ни относиться к маминой обиднице.

Отец вообще-то ушел по-хорошему. В чем был. И денег потом отдавал не четверть, а половину: библиотекарше, похоже, деньги вообще были не нужны, питалась она исключительно духовной пищей.

Но удар был нокаутирующим. Мамочка вдруг выяснила, что в этой жизни существует масса проблем, о которых она четверть века вообще не догадывалась! Однако еще хуже было то, что ей стало некого ежеминутно любить и ожидать с работы. Валентина-то никогда не была сильно привязанной к дому, хотя мамочку всегда любила.

В общем, мамочка сильно сдала. И этого Валентина отцу так и не смогла простить. Ну кто ему мешал общаться с библиотекаршей, не уходя из семьи? А там, глядишь, перебесился бы и успокоился.

Нет, Валентина никогда не повторит мамочкиных ошибок. Она всегда будет самостоятельной девушкой. Даже когда найдет того, кого сочтет достойным стать отцом ее детей.

Ладно, надо вставать.

Она откинула легкое одеяло и села на кровати. Прохладный пол приятно охлаждал пятки.

Валя прошла в ванную комнату, включила душ.

Конечно, у нее не так шикарно, как в квартире у Грекова, но тоже очень ничего. И потом, если она примет окончательное решение, то жить они будут в его квартире.

Струи теплой воды разбивались о разнежившееся тело и сплошной прозрачной пленкой стекали вниз.

Валентина посмотрела в большое, в треть стены, зеркало. Еще когда въезжала, решила, что висеть оно здесь будет до ее сорока пяти. Потом снимет. Но пока комплексовать было явно рано. Картинка в зеркале вполне могла присутствовать в фильме с торговым обозначением «мягкая эротика».

Красивая женщина. Все на месте. Нежная белая кожа. Высоко поднятая подтянутая грудь – все, конечно, не просто так: и косметика дорогая, и массаж строго по графику. Ну да подобные затраты весьма оправданны: потрогать такую кожу самой приятно, уж что говорить про сумасшедших, сдвинутых на сексе мужиков. А не сдвинутых на сексе мужиков Валентина в своей – правда, не столь обширной практике – пока не встречала.

У нее их было три.

Первый – еще на четвертом курсе. Показалось, что любовь. Чуть не умирал от страсти и грозил жить с ней вечно. Сейчас-то она понимает, какой был бы ужас, окажись это правдой. Но тогда его выразительные взгляды почему-то вызывали даже гордость: парень на курсе был заметный, и подружки завидовали.

На близость пошла спокойно и сознательно. Он был в полном экстазе: пыхтел, сопел и стонал. Потом столь же внезапно заснул.

Правда, уже утром опять пыхтел и сопел, но что-то подсказало ей, что секс – не единственная радость для женщины, у которой, помимо иных жизненно важных органов, еще имеется голова.

Короче, кончился институт – кончилась и их любовь.

Второй был случайный и мимолетный. Стыдно сказать – в командировке. До сих пор Валентина не понимает, как это случилось. Вспышка в голове, мгновенное озарение, что вот это – ее. На всю жизнь. И неважно, что у него было позади, тем более что у нее позади не было практически ничего.

Она была готова на все, даже остаться в том городке, куда приехала консультировать местный менеджмент.

И он тоже пыхтел, сопел и стонал. И даже не заснул. Точнее, заснул, но только под утро, когда уже и Валентина изнемогла от усталости, хотя по идее изнемогать от усталости в подобных ситуациях должны мужики.

А утром, когда Валентина предложила ему руку и сердце навечно, он хмуро отказался, объяснив невозможность такого развития событий массой действительно серьезных причин. Среди этих причин слову «любовь» не нашлось места вовсе.

Урок был жестоким, но полезным – на то он и урок.

Девушка от matrimониальных планов не отказалась, но отложила их на попозже. И еще одно принципиальное решение приняла: что теперь в подобной ситуации окажется лишь в том случае, если командовать парадом будет сама.

Больше никаких экспериментов с сильными эмоциями. Секс – замечательная штука, но, как считают исследователи, занимает место в жизни человека меньшее, чем чистка зубов. По крайней мере, по затратам времени. А раз так, то как же можно этот процесс ставить во главу угла при принятии жизненно важных решений?

Третьим был Греков. Сразу ей понравился. А в том, что он на нее западет, даже и не сомневалась. Этот мужик был так занят на работе, что выбор у него получался небогатый, хотя она и при богатом выборе имела бы хорошие шансы.

Десятилетняя разница в возрасте не пугала. Наоборот, даже нравилась. А подходы к жизни казались вполне близкими.

С точки зрения денег за Грековым было, выражаясь финансовым языком, обременение: больной ребенок от первого брака. Но это Валентину тоже мало пугало. Она и сама прилично зарабатывала, и Егор, при его деловых качествах, очень быстро рос экономически.

Что касается ребенка, мальчик был не отвратный – пару раз его видела, – к тому же жил он с мамашей и никак на их будущую семейную жизнь влиять не мог.

Нет, определенно Греков ей был интересен. И спать с ним в удовольствие, и болтать, и даже деловые вопросы обсуждать. Так что в новом году ее вполне может ожидать новая жизнь.

Валентина выключила воду, тщательно вытерлась огромным мохнатым – очень мягким – полотенцем (тоже, кстати, подарок Егора) и пошла в комнату одеваться. Напоследок еще раз оглянулась на себя в зеркало. И сзади тоже очень, очень достойно, удовлетворенно подвела итог девушка.

День начинался хорошо.

4

Женька, приложившись к выбритой щеке Грекова, стремительно проскочила мимо явно не поспевавшего за ее темпами Егора. В прихожей остался лишь аромат ее духов и свежего декабрьского морозца, занесенный бывшей супругой с улицы.

– Ох ты, господи! – искренне восторгалась та из комнаты, она же зал, она же кухня. Шестьдесят квадратных метров старинного дубового шика вперемешку с суперсовременным хромом, никелем, галогенками и чем-то там еще.

– Ну, Грека, ты даешь! – выдохнула наконец бывшая супруга. – Надо было за тебя держаться.

– Да ладно тебе, – засмутился Егор, хотя Женькины восторги были ему очень даже приятны. А уж лет восемь назад он эти ее слова постоянно представлял в мечтах. Как зайдет к нему и скажет: «Грека, я ошиблась. Возьми меня обратно». Он бы тогда точно взял.

А сейчас?

Греков на миг задумался. Сейчас, наверное, все-таки нет. Красива Женька по-прежнему. И по-прежнему его волнует. Но жизнь у них давно разная. И в его жизни ей место уже вряд ли найдется.

Валентине есть. Работе есть. Авдеевой, с которой опять-таки давно пора что-то решать, есть.

А Женька хоть и занозила по сей день Егорово сердце, но была уже в другой жизни, с его нынешней никак не перекрещивающейся.

– И сколько ж у тебя таких комнатушек? – поинтересовалась Женька.

– Таких – одна, – сознался Греков. – Еще спальня и кабинет. И два туалета, – не удержался-таки он. В их «малосемейке», построенной ракетным заводом для молодых специалистов, туалет был один. Причем на две квартиры-комнаты, в которых жили соответственно две семьи.

Но как же они были счастливы, получив ордер на то убогое – по его новым меркам – жилье!

Въезжая в свои нынешние хоромы, Греков, конечно, тоже радовался. Да разве можно сравнить обычную человеческую радость и то полное, нечеловеческое счастье!

Егор некстати вспомнил, *что* они с Женькой сотворили, впервые переступив порог собственной квартирки. Даже пальто не успели снять. Опомнились, лишь услышав голоса соседей в общем коридоре. Греков, путаясь в брюках, подскочил тогда к двери и успел запереть ее прежде, чем заинтересованные шумом соседи заглянули внутрь.

А то бы обитатели их дома увидели такое, что только-только начало появляться на экранах «Рекордов» и «Рубинов» – с помощью видеомэгнитофона «Электроника», символа тогдашнего благосостояния советского человека. Причем, с улыбкой вспомнил Егор, пока он полуодетый (а точнее, полураздетый) прыгал до двери и обратно, она хохотала, лежа на полу на трех развернутых газетах («Подстелила-таки, успела», – внезапно открылась Грекову малая деталь событий, произошедших чуть не полтора десятка лет назад).

– А я знаю, о чем ты думаешь, – вдруг засмеялась Женька. – Первый визит в нашу квартиру вспомнил?

– Ну-у-у-у... – нечленораздельно промычал Греков, застигнутый врасплох. Его выбритая щека покраснела. Вторая, недобритая, так и оставалась под пеной. Вид у него стал такой, что Женька расхохоталась уже искренне, даже тревоги свои на миг позабыла.

– Ну чего ты смеешься? – наконец не выдержал он. – Я сейчас тоже кое-что понял.
– Что же ты понял, Грека? – сдерживая смех, спросила бывшая супруга.
– Что ты тогда за пять секунд успела газеты на пол подстелить.
– Дурачок ты у меня, – вдруг потеряв улыбку, сказала Женька и погладила его по чистой щеке. – Я бы не успела. Я заранее приходила и газетки принесла. Я ж все твои реакции наперед просчитывала.

Лицо ее снова стало печальным. Не напряженным, как когда он смотрел на нее в дверной «глазок», а просто печальным.

Греков вдруг почувствовал, что он теряет ощущение времени и что вся его жизнь без Женьки вдруг свернулась в небольшой и ничего не значащий клубочек. Не смея противиться нахлынувшему ощущению, он схватил Женьку за плечи и притянул к себе.

– Ты что, псих, я же в шубе! – попыталась отбиться та. Но фразу закончила, уже оказавшись на огромном синем, гладком и мягком, ковре. – А ты – в пене... – были ее последние слова, потому что следующие несколько минут им было совсем не до разговоров.

Они так и оставались на ковре, чтобы немного прийти в себя. Женька только пару крючочков застегнула, а больше и застегивать было нечего, остальные крючочки и пуговицы теперь надо было пришивать.

Егор, наваждение которого уже закончилось, чувствовал себя немного неловко. Но и вставать не хотелось – лежать рядом, опираясь головой на ее руку в мягком рукаве так и не снятой шубы, было приятно и уютно.

– Грека, это не входило в мои планы, – тихо сказала Женька и снова погладила его по щеке, но теперь как-то мягко и нежно.

– В мои тоже, – честно сказал он.

– Ну, значит, будем считать, что ничего и не было, – успокоенно подытожила она, аккуратно высвобождая руку из-под его головы. – Ты, кстати, теперь уже весь в пене.

– Ты тоже, – улыбнулся он.

Через пять минут, приведя себя в порядок и окончательно успокоившись, они сидели в больших мягких креслах в углу огромной гостиной. Если бы кто-нибудь зашел сейчас в комнату, ни за что бы не догадался, *что* происходило здесь совсем недавно.

– Ну рассказывай, что у тебя случилось, – сказал Греков, закуривая сигарету.

– Сейчас, – ответила Женька. – С духом соберусь только.

– Лешка? – напрягся Егор.

– Нет, слава богу, – даже перекрестилась та и сплюнула трижды через плечо. – Стойкая ремиссия.

– Замечательно, – улыбнулся Греков. Он не испытывал всепоглощающего чувства любви к ребенку, которого почти не видел. Но предположение об обострении болезни сына напугало его. – Тогда что же?

Женька молчала. И по лицу было видно, что молчит, чтобы не заплакать.

– Да что наконец случилось? – не выдержал Егор. – Палатки твои разорились? Степан бьет? Говори, не молчи!

– Степан не бьет, – справилась с собой Женька и, мгновенно изменившись, снова стала спокойно-уверенной. – Его убили. Три года назад.

– А почему не говорила? – ошарашенный новостью, спросил Греков. Он еще не знал, что состояние ошарашенности в этот день будет его основным чувством. – Мы же с тобой в прошлом году виделись, когда ты Лешку привозила. И в позапрошлом.

– А зачем мне тебе это рассказывать? – вопросом ответила Женька. – Ты что, оживишь мне его, что ли?

«Логично», – подумал Егор. Его бывшая жена не всегда отличалась хладнокровием и выверенностью решений, но крепость ее характера никогда и ни у кого сомнений не вызвала. Может, поэтому его и тянуло к Валентине? По привычке...

– Значит, ты теперь без денег? – напрямик спросил он.

– С деньгами, – спокойно ответила она. – Хотя, конечно, все относительно.

– А как же ваш бизнес? Выжил?

– Выжил, – без эмоций произнесла Женька, тоже закуривая сигарету.

– Друзья Степана помогли?

– У бандитов друзей не бывает, – жестко ответила она, выпуская ароматный дым. – Особенно у давно мертвых бандитов.

– Ты его не любила? – некстати спросил Егор.

– Не знаю, – не удивившись вопросу, ответила Женька. Секунду подумав, довела ответ до полной ясности: – Я была ему благодарна. Очень. За Лешку, за себя. Он-то нас точно любил.

– И как ты вышла... – Егор запнулся, тщательно подбирая слова, – из всего этого?

– Тебя детали интересуют? – усмехнулась Женька. – Крестным отцом я не стала, если вопрос об этом. И с нужными людьми не спала, если опять-таки вопрос об этом. Все остальное использовалось. И теперь у меня вместо четырех палаток семь. А если бы ничего не произошло, то и магазин бы появился, все бумаги подписаны.

– А... что произошло? – тихо спросил Егор.

– Помнишь песенку, которой я тебя в школе дразнила? – после паузы опять вопросом ответила бывшая жена.

– Конечно, – заулыбался Греков. – Ехал грека через реку.

– А что он в реке увидел, помнишь? – Голос Женьки стал совсем тихим, но каждое слово было произнесено совершенно отчетливо.

– Видит грека – в реке... – машинально произнес Егор. И на полуслове запнулся.

– Точно, – выдохнула Женька. – Рак. Только цапнул не греку, а Женьку. И не за руку, а за другие места. – Она не заплакала, только глаза стали влажные.

– Я могу как-то помочь? – после тяжелой паузы спросил Греков. И погладил Женьку по голове.

– Только на тебя и надежда, – ответила Женька. И вот теперь заплакала.

5

– Авдеева, тебя к начальнику! – крикнула, пробегая мимо, Маринка. Как она умудряется носиться в своих доспехах? Это, наверное, потому, что она сантиметров на пятнадцать выше. «Эх, хорошо иметь длинные ноги...» – привычно вздохнула Ленка.

Нет, она на собственные не жалуется. Мама вообще постаралась на славу, организовав телесную оболочку своей единственной дочери. Пусть не высокая, пусть не красавица – а мужики все равно засматриваются. И не только засматриваются, кстати говоря. Наверняка Дмитрий Григорьевич вызывает по вчерашнему поводу.

Ленка зашла в служебку и сняла длинный резиновый фартук. Комбез и резиновые сапоги снимать не стала, вообще этой рутины с переодеванием не любила. Да и нечего на автомойке выпендриваться, здесь все в комбезах.

Она потопала по лестнице наверх, на третий этаж, к начальству.

Вообще-то Григорьич – мужик неплохой. Деньги не зажимает, к девочкам-мойщицам не пристаёт. Но от предстоящего разговора Авдеевой ничего хорошего ждать не приходится. Хотя и своей вины в произошедшем она не чувствует абсолютно.

– Вот, пришли с жалобой, – сразу взял быка за рога Григорьич. – С серьезной жалобой. В его клетушном кабинетике восседала дама, явно не вписывающаяся в здешнюю стилистику.

– Говорят, костюм стоит полторы тысячи баксов. И пока неясно, отчистят ли.

Поскольку Григорьич все время посматривал на расфуфыренную и явно сердитую особу, говорила про полторы тысячи баксов именно она. И похоже, эта дама привыкла, чтобы к ее словам прислушивались.

– Надо было ему попроще одеваться, – не к месту заявила Авдеева.

– Это, милочка, не вам решать, – мгновенно зверея, зарычала дама. – Вам решать, где деньги искать, если костюм не отчистят.

– А что, дяденька нанял адвокатессу? – улыбнулась своей замечательной улыбкой Ленка. Именно эта улыбка не раз сводила с ума мужиков, потому что, честно говоря, больше их сводить с ума Ленке было нечем: ни ног от шеи, ни шмоток, ни счета в швейцарском банке.

– Я не адвокатесса, – чуть не подавилась от злости дама. – Я его жена. И кстати, деньги на его костюмы тоже я зарабатываю.

– Алевтина Матвеевна Солуянова – директор частного охранного предприятия «Оборона», – уважительно внес ясность Григорьич. Он, конечно, сочувствовал Ленке, но, похоже, бросаться на ее защиту не собирался.

– Это меняет дело, – посерьезнела Авдеева. – А он вам рассказал об обстоятельствах... несчастного случая?

– Конечно, – успокаиваясь, бросила дама. Первое впечатление оказалось обманчивым: она вполне умела держать себя в руках. А ее угрюмый вид мог объясняться и простой усталостью. – Вас не устроили чаевые, и вы из чувства неприязни облили его водой. Что, не так?

– Абсолютно так, – согласилась Ленка.

Дама, не ожидавшая столь стремительной сдачи позиций, даже рот раскрыла.

– Из-за чаевых клиента облить? – ахнула она удивленно, как будто не сама об этом десять секунд назад говорила.

– Вот видите, – укоряюще заметила Авдеева, – вам самой не верится. Тем более с вашим-то жизненным опытом. Никаких чаевых ваш супруг мне не предлагал.

– А что предлагал? – начиная догадываться, спросила VIP-дама.

– Ничего, – честно сказала Ленка. – Он не увидел во мне коммерческого партнера. – Она, несмотря на гримасы Григорьича, не к месту развеселилась. – Просто залез мне под фартук и вцепился... – Ленка посмотрела на Григорьича, потом на даму. – Объяснить, за что вцепился?

– А ты его облила? – почему-то уже без раздражения спросила дама.

– Нет. Сначала врезала. Щеткой.

– А он сказал, что щекой ударился, когда упал, – пробормотала Алевтина Матвеевна.

– Упал он позже. Когда я его из шланга окатила.

– Там же восемь атмосфер, – испуганно пробормотал Григорьич.

– Ага. Восемь. Он даже встать не мог. По полу катался, пока я ствол не отвела. Вот и попачкался костюмчик.

Короче, справедливость восторжествовала в полной мере. Самооборона девичьей чести оказалась в допустимых пределах. Более того, чоповская начальница попросила Григорьича отпустить Авдееву на часок – тот, довольный исходом, не возражал, – и весь этот час проплакалась Ленке на сволочь-судьбу, которая постоянно подбрасывает ей, несчастной, всяких моральных уродов.

Сидели они в соседнем маленьком барчике, где Ленка пила вишневый сок, а дама – коньячок, причем две рюмки выпила сразу, а третью и четвертую – постепенно.

– И чего ему не хватает? – жаловалась она. – Живет как у бога за пазухой. Деньги. Машина. И я еще не страшная. Ну крутил бы на стороне, но хоть без историй...

– А может, на работу его определить? – спросила Ленка, которой уже давно было жалко – не чоповскую начальницу, а обычную тетку, лишний раз подтвердившую старинную истину, что любовь зла.

– Пыталась, – махнула рукой та. – Одни проблемы.

А на невысказанный вопрос «Может, послать?» уже с настоящими слезами ответила:

– Умом понимаю, что дерьмо. А как увижу, поверишь, сердце тает.

– Верю, – сказала Ленка. И, вместо того чтобы продекларировать что-нибудь утешительное, сама взяла и разревелась: ее сердце тоже таяло от этого чертова Грекова. А он, похоже, смотрит на нее примерно так же, как вчерашний клиент. Может, и его восемью атмосферами?

Посидели две тетки – одна постарше, другая помладше; одна в деловом костюме от Версаче, другая в комбизе от фабрики «Теходежда» – и вместе поплакали. Теплом друг к другу прониклись. Сквозь слезы друг другу улыбнулись. И, как ни странно, друг друга поддержали.

Во всяком случае, когда из барчика выходили, дама уже вся была собрана и постепенно сосредоточивалась на каком-то предстоящем важном бизнес-событии. А Ленка, наоборот, была успокоенная и слегка просветленная. В общем, как говорится, сходили к психоаналитику.

Дама оставила Авдеевой визитку, села в длинную «Ауди» и укатила. А Ленка пошла к своему рабочему месту, где без нее уже собралась маленькая очередь. И хоть и любили здесь незлую и веселую госпожу Авдееву, но вкалывать за нее весь день вовсе не собирались.

Дальше смена прошла спокойно, клиентов было поменьше, чем в будни, зато побольше выгодных: с ручной мойкой, чисткой салона и тому подобным.

Авдеева, как ни странно, свою работу любила. К машинам она всегда питала слабость: ей нравилось, когда ее стараниями из-под зачуханного, задолбанного грязью и городскими

ухабами набора железок и резинок вдруг выглядывало чудо автодизайна, возрождалась свежесть красок и авторского художественного замысла. У нее всякий раз появлялось ощущение, что и она, Лена Авдеева, участвовала в создании этих красавиц, давно уже переставших быть для людей только средством передвижения.

Не устраивало ее в этой работе, пожалуй, лишь одно: она, похоже, не давала ей шанса на то, чего ей хотелось бы более всего на свете. А именно: провести остаток жизни вместе с Грековым Е.Ю.

Многое бы она отдала – точнее, все, что имеет, – чтобы вышеупомянутый Греков Е.Ю. внезапно стал мойщиком на ее автосервисе. Или слесарем здесь же. Или, на худой конец, водителем-дальнобойщиком, хотя они все, заразы, в своих дальних боях имеют дополнительных боевых подруг.

Как легко она бы простила все эти мелкие грехи пресловутому Грекову Е.Ю.!

Так ведь нет! Случилось же Егору стать большим начальником. Купить квартиру, в которой друг друга без мобильного телефона не обнаружить. Вертеться в высоких сферах, где каждое произнесенное слово может стоить больше, чем зарплата за всю честную Ленкину трудовую жизнь. И, соответственно, войти в тот круг, в котором привычно обитает эта холодная тварь Валентина и куда Ленке, с ее фартуком и комбезом, похоже, вход воспрещен.

Конечно, она читала в журналах, как манекенщицы женят на себе миллионеров и даже потом управляют их бизнесом. Но проблема в том, что, во-первых, Ленка – не манекенщица. А во-вторых, ей вполне нравится работа автомойщицы и не нравится бренд-менеджера.

Слов-то умных она много знает: и от Егора наслушалась, и даже учебники читала по экономике. Ничего особо сложного, кроме одного: неинтересно!

И что теперь ей делать? Что-то подсказывало Ленке, что Егор Юрьевич, от одного вида которого так дрожит ее сердечко, с удовольствием проведет время в компании автомойщицы. И вряд ли проведет с ней жизнь.

...А к концу дня действительно устает. Ленка аккуратно убралась на посту, неторопливо переоделась и поразмышляла о завтрашнем дне. Она очень рассчитывала на завтрашний день. И кино предполагалось хорошее, и прогулка за город, где пристрастившийся к горным лыжам Егор будет демонстрировать технику скоростного спуска, а она оседлает стремительные санки на том же склоне. И вечер в его квартире, в которой, хоть он не гонит, она на ночь не останется – «у советских собственная гордость», как писал один старый и ныне немодный поэт.

Короче, счастливого конца, скорее всего, не будет. Но небезнадежное продолжение – уже неплохо.

Она выходила к остановке троллейбуса, когда зазвонил мобильный.

– Ленка, это ты? – раздался голос. Единственный и неповторимый.

– Нет, это автоответчик, – разозлилась усталая Ленка. Кто еще мог отвечать по ее личному мобильному телефону?

– Я не смогу завтра к тебе приехать.

– Даже к вечеру? – упавшим голосом спросила Авдеева. Неужели Валентина своими холодными руками дожала-таки ее Грекова?

– Даже к вечеру. Женька привезла сына. И вообще тут такое творится...

Про Женьку Ленка была наслышана и в некотором роде ей сочувствовала. Да и нынче Женька ей не помеха. Но вот растерянности и даже испуга она от Грекова никак не ожидала. Что бы ни творилось, Егор всегда был боец.

Что же там такое действительно творится? Неужели что-то опять с сыном? Или это вообще не связано с бывшей женой, а связано с бизнесом? Что же там ему угрожает? Может, кстати, что она сегодня познакомилась с чоповской тетенькой? Ленка даже машинально ее визитную карточку в кармане нащупала.

– Егор, я могу помочь?

– Нет, – сказал Греков. И после паузы: – Не знаю.

«Значит, уже не «нет», – удовлетворенно отметила Ленка. Вот все и решилось.

– Когда мне приехать, сегодня или завтра? – просто спросила она.

– Завтра.

– Во сколько?

– Я позвоню. – И дал отбой.

В другой раз Ленка бы обиделась. Сейчас – нет.

Что-то у Грекова стряслось. Значит, и у нее, Ленки Авдеевой, стряслось оно же.

А слово «сдаюсь» в ее лексикон с детства не помещалось. И если кто-то решил строить козни ее ненаглядному Грекову, то пусть он учтет и Ленку Авдееву, скромную автомойщицу из маленького сервиса «Прогресс-авто».

6

Когда первое оцепенение от сказанного Женькой прошло, Греков постарался собраться с мыслями.

Выходило, что ее болезнь наносила удар и по его, грековской, жизни.

Даже если положение не столь катастрофично – а Греков как раз недавно читал статью в журнале «Элита» с многообещающим названием «Рак – не приговор», – все равно на время лечения все заботы о Лешке свалятся на него.

А если, не дай бог, диагноз все же окажется приговором?

Нет, вот уж точно, не дай бог.

И Женьку до слез жалко – она сидит перед ним, бледная и напуганная, и хоть и старается казаться спокойной, но наверняка ждет от Грекова чудес, очень возможно, невыполнимых.

И Лешка оказывается в неприятнейшей ситуации. С его болезнью заботливая и умная мама просто необходима.

А сам он, Греков?

Даже на время из «виртуального» папы стать настоящим – он к этому готов? Он же работает по десять-двенадцать часов. А потом отдыхает, как ему нравится. И в клубы ходит. И в компании. Да и в хоромах своих так приятно посибаритствовать.

А когда здесь будет жить мальчишка, совсем ребенок еще, и к тому же с серьезным заболеванием – это будет уже совсем другая жизнь.

Планы его, похоже, определились. Прежде всего – и немедленно – нужно узнать, чем можно помочь Женьке. Справься они с этой напастью – и все проблемы решатся сами собой.

«А если нет?» – мелькнула мысль.

Лучше об этом не думать. Не готов еще Егор об этом думать.

Давай пока будем считать – да.

Он на память набрал номер Семена Гольца.

Нет, не зря Греков взял его на работу, несмотря на ворчание некоторых кадровиков.

Гольц знает всех и со всеми дружит. Это будет первый шаг к спасению Женькиной жизни. И если честно, – к спасению столь милой и приятной грековской жизни тоже.

Семен ответил сразу:

– Что случилось, Егор Юрьевич?

Ничего, – ответил Греков, имея в виду работу. – В конторе порядок.

– Слава богу, – сказал нервный Гольц. Нордическое самообладание никогда не входило в разряд его лучших качеств.

– У меня вопрос к тебе, Сем.

– Всегда рад помочь, – быстро сказал тот. Семен не был лизоблюдом и «услуженцем», просто, с бешеной скоростью крутясь в самых разных тусовках, он любил попутно – и, как правило, бескорыстно – решать массу чужих вопросов. Как показала практика, такой стиль поведения приносил много новых полезных знакомств и придавал Семену дополнительную значимость как в глазах окружающих, так и, что немаловажно, в его собственных, чего Семе, видимо, с детства не хватало.

– У моей знакомой (при этих словах Женька вскинула голову и ехидно улыбнулась)... – Греков, поняв осечку, перестроил фразу: – У моей бывшей жены, Лешкиной мамы (Лешку Гольц знал, сам помогал доставать для него дефицитные препараты), подозрения на... опухоль. – Греков почему-то так и не смог выговорить слово «рак».

– Подозрение – не болезнь, – быстро сказал Гольц. Он всегда старался держаться подальше от трагедий.

– У тебя есть выходы на хороших онкологов?

На размышление у Семена ушло секунд двадцать, и тут же последовал четкий ответ:

– Есть человек в Онкоцентре на Каширской. Не близкий, но, думаю, за деньги делает. И есть еще один в онкобольнице специализированной. Этот свой в доску.

Теперь размышлял Греков. Онкоцентр – это серьезно. Это фирма. Но это и огромный медицинский муравейник, где трудятся самые разные муравьи.

Онкобольница – может, и менее круто. Однако для первого визита, наверное, более предпочтительна. Раз свой в доску, то наверняка предупредит обо всем, подскажет лазейки, может, и в тот же самый Онкоцентр, ведь все они друг друга знают. И, что немаловажно, свой в доску не станет врать. А Грекову сейчас очень важно знать перспективы, от которых теперь зависит не только Женькино, но и его, грековское, будущее.

...Тут он сам себя осек. Все-таки от перспектив напрямую зависела только Женькина жизнь. И косвенно – Лешкина. А он, Греков, мог потерять лишь некоторые жизненные удовольствия.

Стало стыдно.

– Хорошо, Семен, – закончил он разговор с Гольцем. – Давай пробивай больницу. Я предпочитаю иметь дело с друзьями. А дальше посмотрим. Только побыстрее, ладно?

– Прямо сейчас позвоню, Егор Юрьевич. У Воробья сотовый всегда включен, он же хирург. – И повесил трубку.

При слове «хирург» Греков снова ощутил неприятный холодок. И опять сам себя остановил: теперь к неприятным словам надо будет привыкать. Равно как к неприятным перспективам. Что бы ни думал Греков об открывшемся будущем, вариант с детским домом для родного сына он сразу отмел как абсолютно неприемлемый.

А значит, нужно будет серьезно все просчитать.

Вслух же, обращаясь к Женьке, сказал:

– Нашли ход в больницу. Завтра-послезавтра поедem.

– Спасибо, – благодарно улыбнулась та. – Но у меня направление уже есть. Из нашей, городской, получила. У нас же своей онкобольницы в городе нет.

– Чего же молчала? – даже не рассердился, а удивился Егор.

– А ты не спрашивал.

– Но ты же попросила о помощи!

– Не в лечении, – грустно улыбнулась Женька. – А после лечения. Я должна быть спокойна...

– Можешь быть спокойна! – обиженно перебил ее Греков. – Лешка один в любом случае не останется.

– Вот в этом я и хотела быть уверенной. Только там есть еще одна проблемка...

– Какая еще проблемка? – удивился Егор, искренне не понимавший, какая после всех этих новостей может быть еще значимая проблемка.

– Завтра скажу.

– Что за тайны? – досадливо спросил Егор. Чем она еще сможет его удивить? Но дожать бывшую супругу не успел – отзвонился Гольц. Их ждали в больнице завтра с утра: Семен продиктовал адрес и фамилию доктора.

А в следующий момент – только трубку успел повесить – позвонили в дверь.

Егор сначала подумал, что Ленка. Но не должна была без предупреждения. Она один раз как-то так же забежала, а там – Валентина. Теперь всегда звонит предварительно.

Кто еще так не вовремя приперся?

Женька тоже была недовольна визиту. Ее душевных сил могло не хватить на имитацию светского общения.

Но гости оказались очень нестандартного плана.

Егор открыл дверь, не глядя в «глазок», – привык уже, что внизу охрана. И сначала никого не увидел, потому что смотрел прямо перед собой. А смотреть надо было чуть вниз, потому что Лешка был, во-первых, ребенком, а во-вторых, маленьким и щуплым ребенком.

Еще через долю секунды Греков обнаружил объект номер два. Это была явно девочка, а вот ее возраста не имевший родительского опыта Егор определить вообще не смог.

Она вцепилась своей ручонкой в руку Лешки и даже не смотрела на взрослого. Девочка была одета в яркую желтую куртку с капюшоном, маленькое личико было заплакано, под крошечным носом вырисовывались две несимпатичные полосы от невытертых соплей.

Нет, никакого умиления не испытывал Греков при виде маленьких детей. И где сын ее подобрал? (Лешкиному появлению папаша почему-то не удивился.)

– О господи! Вы зачем пришли? – В просторный холл вышла Женька. – Я же велела ждать в гостинице! – Попутно она быстро достала носовой платочек и ловко, каким-то неуловимым естественным материнским движением, чисто и насухо вытерла нос девочке.

– Адрес лежал на столе. А Машка обкакалась, а мыть попу не дает! – обиженно буркнул Лешка. – Пахнет и тебя требует.

А тут уже и без объяснений было понятно, кого Машка требует. Обнаружив самое главное в мире существо – свою маму, – девочка обняла ее за шею и прямо-таки влипла в Женьку, привычным движением прижавшую ее к себе.

– Это... твоя? – наконец дошло до Егора.

– Несомненно, – сказала Женька и поцеловала девочку в щечку.

– И Степана?

– И Степана. – И после затянувшейся паузы пояснила: – Я хотела сказать тебе завтра, но видишь, как получилось. Короче, это вторая половина моей просьбы.

7

Греков сидел за своим красивым столом, а вокруг него кипела беспокойная декабрьская жизнь: как будто вся страна решила одновременно что-то перед Новым годом докрасить. Он манипулировал фондами, перебрасывал резервы – тонны краски – из города в город, забирая остатки с реализации и даже для одного старого заказчика вынужден был попросить аналогичную продукцию у заклятого конкурента: своих складских запасов явно не хватало.

Впрочем, они с заклятым конкурентом так не раз друг друга выручали – бизнес становился все более цивилизованным.

Греков был занят стопроцентно: чай, принесенный Марией Васильевной, так и остался стоять на столе, на маленьком металлическом подносике – у Марии Васильевны все аккуратно и продуманно. Звонок, документы на подпись, еще два звонка, ответ Смирнову – речь шла о будущем годе, но сегодняшняя горячка не должна закрывать завтрашней перспективы.

Завтрашние перспективы...

Стопроцентно был занят Греков, однако сам себе напоминал старого опытного шофера: едет он по дороге, рулит рулем, работает педалями, а голова занята совсем другим – мыслями о внуках, об огороде, о жене, – только не о дорожном движении, в котором его тело участвует абсолютно автоматически.

Разница лишь в том, что думал Греков вовсе не об огороде, которого у него не было. И не о внуках. А о Женьке, Лешке и раке. И еще о девочке Маше, про которую пока вообще непонятно было, что думать. И еще про Ленку и Валентину.

И если в обычное время его раздумья обязательно заканчивались принятием решения, то здесь мысли текли сами по себе, возвращаясь, гуляя по кругу и не обещая никакого выхода.

Мария Васильевна вошла неслышно, взяла подносик, чтоб заменить невыпитый чай горячим. Посмотрела на шефа, но ничего не спросила: захочет – сам расскажет.

Наверное, захочет. Она не только посоветует, но и поможет, если понадобится, – старая мудрая Мария Васильевна.

Но сейчас ничего и никому рассказывать не хотелось.

Сейчас Женька должна уже быть у врачей. И очень скоро они узнают вердикт, который вполне способен изменить, точнее, поломать, жизнь им всем.

Несмотря на загрузку по работе, Греков хотел поехать с Женькой. Поддержать морально. Да и самому побыстрее все узнать, меньше томиться ожиданием.

Но Женька отказалась. Сказала – ей легче самой.

Спорить с ней у Грекова никогда не получалось, так что сейчас Женька там была совсем одна. И даже телефон отключила – Греков уже попытался позвонить.

Лешка и девочка – Греков про себя называл ее не Машей, а девочкой – сегодня остались у него дома с Ленкой. «Все-таки Ленка – молодец», – оценил Егор. Ее решение не было обдуманным и даже не было решением. Так, обычное и естественное движение души.

Впрочем, другого от нее Греков и не ожидал.

А вот бывшая супруга вчера его удивила.

Когда детей уже уложили в гостевой спальне, она подошла к Грекову и сказала:

– Мне нужно быстрее понять, что будет с Машенькой.

– Я пока не знаю, – честно ответил Греков. Он действительно пока не знал. Это для Женьки Машенька была бесценной кровинкой. А для него – нет. – С деньгами, конечно, помогу, – быстро добавил он.

– С деньгами и так все нормально, – сказала Женька и, покопавшись в своей сумочке, достала оттуда здоровенную «котлету» баксов.

– Здесь тридцать шесть тысяч, – сказала она, протягивая деньги Грекову. – Мой новый магазин, – горько усмехнулась Женька.

– А мне они зачем? – грубовато ответил Греков, отводя ее руку.

– Ну не в больницу же мне с ними? – улыбнулась она.

– Это другое дело, – согласился Егор и подвел ее к вмонтированному в стену сейфу.

– Смотри, набираешь код – мой год и месяц рождения, если не забыла, всего шесть цифр – одновременно отключаешь сигнализацию и открываешь замок.

Механизм лязгнул, на передней стенке сейфа заморгала зеленая лампочка, и тяжелая дверца сама отошла назад.

В открывшемся чреве было пусто: новая Егорова квартира сожрала все его стратегические сбережения, а тактические он хранил на карточках.

Деньги легли в хранилище, дверца встала на место.

– Я их все равно забирать не буду, – сказала Женька. – Распоряжайся ими в пользу детей.

– Глупости не болтай, – строго сказал Греков. – Может, ты через месяц здорова будешь.

– Тогда заберу, – согласилась она.

– Я думаю, они как раз на лечение понадобятся. От бесплатного лечения и с гриппом загнешься.

– На лечение они тратиться не будут, – жестко сказала Женька. – Это деньги моих детей. А мне что суждено, то суждено. Об одном только тебя прошу: как ты к Машке ни будешь относиться, но за ее материальным благополучием проследи, пожалуйста. У меня ведь действительно никого больше нет.

У Женьки вновь выступили слезы, да Греков и сам чувствовал давным-давно забытую резь в глазах.

– Пожалуйста, не разлучай детей, – совсем тихо попросила бывшая жена.

– Как я это сделаю? – тихо спросил он.

– Не знаю. Может, няньку найдешь. Комнату докупишь, чтобы Машка рядом жила. Хотя бы в одном доме. Им нельзя разлучаться.

Греков молчал. Она поняла его молчание по-своему и принялась горячо шептать:

– У меня там квартира осталась, гараж, две машины. Товара еще немного. Я все записала на тебя...

– В каком смысле? – удивился Греков.

– Вот смотри. – Она достала из той же сумочки сложенную смятую бумажку, которая, несмотря на несерьезность ее вида, была украшена гербовой печатью нотариата. – Не на них же оставлять? Им ничего не достанется, ты же понимаешь. На тебя вся надежда, я тебе сразу сказала.

И тут в разговор вступило третье лицо.

Похоже, Лешка с самого начала не спал, а подслушивал под дверь.

В майке и трусах вошел в комнату, лицо заплаканное, но скулы сведены: хоть маленький – а мужик. Таким его Греков еще не видел.

– Я без Машки у тебя жить не буду, – просто сказал он Грекову.

– А тебе не кажется, что ты еще маловат так со взрослыми разговаривать? – жестко заметил отец.

– Извини, – неожиданно смутился Лешка. Ему было прохладно, он обхватил себя руками. Все-таки для своих двенадцати лет он был очень маленьким и щуплым, решил про себя Греков.

А закончил сынок почти как и начал:

– Мы с Машкой вместе. Хоть к тебе, хоть в детдом. – И, не выдержав напряжения, бросился, как недавно младшая сестренка, к маме, ища успокоения в ее теплых руках. Женька обняла его, обхватила, как птенчика, и тихо гладила по взъерошенной макушке.

– Хватит! – чуть не заорал Греков, поняв, что еще секунда – и он сам зарыдает. Да только утешительных объятий ему в его возрасте уже не найти. – Хватит, – уже спокойнее повторил он. – Мама жива, хотя и нездорова. Будем ее лечить и надеяться на лучшее. А в детдоме ты никогда жить не будешь, понял, сынок?

Тот, зарывшись лицом в мамину пушистую кофту, молча кивнул.

– И с Машей будет все нормально, – подвел итог отец. – Пока не знаю как, но на улице не останется. И давай успокаиваться. Дальше будем жить без истерик. Хорошо?

– Хорошо, – сказал Лешка, вытирая тыльной стороной ладони слезы и действительно успокаиваясь. – Только Машка будет со мной всегда.

Греков счел за лучшее сменить тему разговора. Идея удочерить дочь Степана его по-прежнему не прельщала. Но его собственный сын ему определенно начал нравиться.

Вот такая вчера произошла беседа, и после всех свалившихся на него событий Егор мог думать только об этом.

И тут в кабинет зашла Валентина.

– Народ говорит, ты не в себе, – как всегда без предисловий начала она.

– Дверь закрой поплотнее, – попросил Егор.

– А что, прямо здесь оргию устроим? – любопытствовала та.

Сегодня у нее явно было хорошее настроение. И Грекову очень не хотелось его портить своими бедами. Но сама напросилась.

Валентина села напротив, протянула к Грекову руки и ладонями обняла за щеки.

– Я решила выйти за тебя замуж, – наконец сказала она.

– Решение окончательное? – поинтересовался Егор.

– И обжалованию не подлежит, – улыбнулась Валентина. – Или ты против?

– Да вроде не против, – задумался Греков. – Только ты про мое семейное положение в курсе?

– Меня твои алименты не пугают, – уже серьезно сказала Валентина. – Я женщина обеспеченная.

– У меня, кроме алиментов, еще сын есть.

– Но он же с мамой живет, – не поняла та.

– Уже и не знаю. Возможно, что со мной. У Женьки – рак.

– Вот как. – Валентина знала имя бывшей жены Грекова, и ее настроение сразу упало.

– Вот так, – суховато закончил Греков. А напоследок совсем добил: – Там еще один ребенок имеется. Если Женька умрет, о нем тоже придется думать.

– Хорошо, – сказала Валентина, вставая. – Буду думать. – И, не прощаясь, вышла из кабинета.

Мария Васильевна зашла в кабинет, пытливо посмотрела на шефа. Валентину она откровенно не любила и, если бы не подавленный вид Грекова, была бы только рада их ссоре.

Потом она принесла свежий чай, и на этот раз Греков его машинально выпил. Так же, не выходя из транса, машинально посмотрел на часы. За делами полдня пробежало.

Снял трубку с телефона, решив еще раз попробовать набрать Женькин номер.

В этот же момент зазвонил мобильный. Взглянув на дисплей, понял: она. Нажал на кнопку приема.

– Ну что? – сразу спросил он. – Ясность есть?

– Ясность есть, – ответила бывшая жена. – Пусть и неполная, но, безусловно, ясность.

– Ну так говори! – не выдержал он.

– Пятьдесят на пятьдесят, – даже как-то весело рассмеялась Женька. – Как в казино. Приеду – расскажу подробно. – И дала отбой.

Егор еще зачем-то послушал короткие гудки, после чего тоже отключил аппарат.

8

Женька врала, когда сказала Грекову, что хочет ехать одна. Конечно, она не хотела ехать одна. Она вообще не хотела ехать туда, где ей поставят то, что *они* называют окончательным диагнозом.

В их городке онкодиспансера, конечно, не было, но грамотные врачи-то были. И они пусть с оговорками и утешительным привиранием, но кое-что из ее будущего ей прояснили.

Не очень-то оставалось у нее будущего.

Про это говорили нехорошие «стекла» (как они называли пробы, действительно зажатые между двумя стеклышками) из пунктата. На это же намекала настороженность врачихи, долго пальпировавшей ее груди. Со всем этим нехорошим оказалось несложно разобраться с помощью Интернета, благо Интернет в отличие от онкодиспансера в их городке был.

Единственно, что оставалось хорошим, – как ни странно, ее физическое самочувствие. Она и к врачу-то пошла не потому, что плохо себя чувствовала, а посмотрев пугающую передачу по телику про рак груди – мол, надо всем старше тридцати раз в год проходить обследование.

Вот прошла на свою голову.

Сначала вообще жить не хотелось, недаром ее первым делом направили к психологу, такая единица тоже в их городке была, одна на все его население. Анжелика Викторовна, уже немолодая дама, долго успокаивала Женьку, даже пилюли ей выписала специальные, которые без треугольной печати ни в одной аптеке не получить.

Хотя положительный результат случился по причинам, вовсе не зависящим от хитрых пилюль.

Причин было две.

Первая – опытная докторица отвела ее в кабинет медстатистики и дала посмотреть, сколько «первичных раков» обнаружили за год только в их маленьком районе, куда входил городишко с заводом да два десятка полупустых деревень. Получалось, что беда Женьки по меньшей мере неоригинальна. Это не то чтобы утешало, но каким-то непонятным образом успокаивало. По крайней мере, не оставалось ощущения какой-то безмерной обиды, что у всех все хорошо, а у нее одной – бездна вместо завтра.

Не у одной.

Второе «лекарство» она получила дома и сразу в большом количестве.

Дело в том, что дома все так же хотели есть, как и до ее похода в поликлинику и сдачи анализов. За Лешкой так же надо было следить: гемофилия – это как мина замедленного действия, взорваться может в любой момент. А Машка так же какалась то в штаны, то в памперсы, так же постоянно требовала маминого внимания и так же взрывалась ревом, если его немедленно не получала.

К тому же никто не снял с Грековой забот по палаткам и новому магазину. Короче, как всегда, к ночи уматывалась так, что падала в койку и мгновенно засыпала.

Плохо было по утрам, и то не сразу.

Просыпалась, как всегда, в отличном настроении. И, как всегда, начинала строить планы – и близкие, на день, и дальние, с прицелом. Вот тут-то и вспоминалось...

Если Лешка уже был в школе, а Машка спала, то ревела – без звука, чтобы не напугать ребенка, но до стонов, до спазмов, боясь и яростно не желая расставаться с такой вовсе не надоевшей ей жизнью. А если дети были рядом, то просто молча терпела, пока работа вновь не брала ее в свой ежеминутный водоворот: ведь теперь, кроме обычных дел, добавилась возня по «консервации» бизнеса и продаже всего, чего можно.

Когда анализы были получены и направление выдано на руки, Женька позвонила Грекову, взяла детей и поехала в столицу.

Она вышла из автобуса (деньги сэкономила, считая их уже не вполне своими) далеко за городской чертой, хотя больница по статусу являлась московской.

Воздух здесь был чистый, птицы кричали весело, радовались подходящему деньку – морозному, но ясному, солнечному.

Остановка была конечной, вышли все, человек двадцать. Женька пыталась распознать, кто из них болен, кто приехал навещать больных близких, а кто – о, счастливички! – прикатил к больным неблизким или даже просто на работу, ведь здесь явно туча людей работала.

Угадать не получилось. Ошибки были просто радикальными.

Самый хмурый, более всего претендовавший на роль неизлечимо больного, оказался успешным продавцом медоборудования – это Грекова уже потом узнала, подружившись с разным больничным персоналом.

А веселая молодая девица, идеально смотревшаяся в роли разбитной медсестрички, как выяснилось, имела вместо ноги протез и сейчас ложилась на очередную – четвертую или пятую по счету – операцию, с ней Женька тоже потом познакомилась.

Девицу звали Наташа, саркома на правой ноге настигла ее в тринадцать лет! А еще говорят, что рак – болезнь пожилых.

Наташу лечили не только лекарствами, но и буквально молитвами всего персонала. И она не только выжила, но успешно вышла замуж и даже родила ребенка, которым ее лечащий врач так гордился, как будто сам его сделал.

Да, хоть больница была немаленькой, но ощущения муравейника не возникало: здесь дрались за каждого пациента, и в самом деле не считая диагноз приговором. Чудес, конечно, не происходило: удачные и неудачные эпизоды проистекали примерно в том самом соответствии, которое определялось бездушной медстатистикой с учетом текущего развития медицины и фармакологии.

Но все это Женька узнала позже, а сейчас она поднялась по ступенькам и вошла в маленькую проходную, которую от обычной больничной отличали разве что чистота да контрольно-пропускные устройства, управляемые магнитными карточками.

Ей тоже дали такую, когда она предъявила свое направление.

Миновав проходную, Грекова оказалась в начале широкой и длинной аллеи, обсаженной по краям высоченными деревьями. В конце аллеи виднелся красивый, с колоннами, лечебный корпус, в просторечии именуемый здесь старым.

Соответственно, новые корпуса были дальше; для того чтобы к ним попасть, старый надо было обойти справа.

Женька шла медленно, спешить не хотелось. Солнце светило ярко, делая синеву неба еще более синей. Даже снег от этого казался голубоватым. Пели какие-то неведомые зимние птицы. Хотя громче всех каркала ворона, слегка снижавшая эмоциональный градус пейзажа.

«Может, она не мне», – понадеялась Грекова, уже обходя старый корпус. К новому – стильному, довольно высокому, с большим количеством архитектурного стекла – вела тропка поуже.

Навстречу ей шли двое. Эти – точно больные, из-под пальто выглядывали пижамы. Лет мужичкам под пятьдесят обоим. Один рассказывал, второй молчал.

– Сначала, понимаешь, болело, – сипло жаловался тот. – А потом совсем перестало. Я уж думал, можно забыть.

Мужички шли довольно быстро, и Женька не узнала конца истории. Но догадаться могла, раз рассказчик был в больничной пижаме.

Настроение снова испортилось.

Вход в новый корпус оказался просто красивым, с изящным подъездом из стекла и металла. Да и за входом было не менее симпатично: мраморные стены, мраморные полы. Чтобы не нарушать больничную чистоту, всех входящих заставляли надевать сверху ботинок синие полиэтиленовые бахилы на резинках.

Женька прошла к лифтам, окончательно ее поразившим. Эти лифты более соответствовали интерьеру западного банка, нежели отечественной больницы.

«Бывает же такое», – с уважением подумала Грекова, нажав пальцем сразу засветившуюся кнопку. Настроение ее как на качелях качалось. Сейчас, после поездки на плавном и бесшумном лифте, оно пошло вверх: если у них лифты такие, может, и лечат не по-советски? Интерьеры своей медсанчасти – так по документам было правильно называть их городскую больницу – она помнила хорошо.

Впрочем, было и то, что роднило их убогую медсанчасть и это космическое здравоохранительное учреждение. Больничный запах везде одинаков.

«Нет, не везде», – снова с некоей радостью поправила себя Женька. В этом больничном запахе, конечно, оставалась пугающая лекарственная и дезинфекционная составляющая, зато не чувствовались туалетные запахи, столь присущие нашим стационарам, где естественным образом скапливается множество не могущих обслужить себя людей и неестественным – работает очень мало младшего медперсонала.

Вот и кабинет, записанный в ее бумажке.

Женька остановилась, перевела дух. Потом перекрестилась – до болезни в жизни этого не делала, а зря, наверное, – и тихонько постучала.

– Войдите, – раздался молодой голос.

Грекова вошла.

– Мне к Воробьеву Евгению Александровичу, – сказала она, ожидая, что встретивший ее парнишка, видно, еще студент, позовет доктора.

– Слушаю вас, – приветливо ответил «студент».

– Я от Семена Гольца, – назвала пароль Женька.

– От Сени? – улыбнулся доктор. – Да, он звонил. А направление какое-нибудь у вас есть?

– Да, – достала она требуемую бумажку. – Только не в вашу больницу.

А доктор уже разглядывал документ.

– Отлично, – весело сказал он. – Ничего придумывать не придется. Положим хоть сегодня. Раздевайтесь, я вас посмотрю.

– А... – замешкалась Женька. Ей и парня обижать не хотелось, и жизнь ведь одна, пусть бы студенты на других учились.

– Мне тридцать четыре года, – улыбнулся доктор, видимо, привыкший к подобным реакциям. – И я – заведующий отделением. Так что все претензии – к моим родителям.

Женьке вдруг тоже стало весело. Хороший парень. Добрый и умный. Может, вылечит ее? Или хотя бы отсрочит бездну? Ей и надо-то немного: ну хотя бы лет пять-шесть, чтоб Лешка на ноги встал.

А доктор, враз перестав улыбаться, уже давил ей пальцами – сначала по очереди в груди, потом под мышками. Движения его были скупыми и точными, теперь Женьке уже не надо было заглядывать ему в паспорт, чтобы понять, что студенческие годы для этого парня остались далекой историей.

И не только уверенность действий говорила о том. Стоя прямо перед врачом – даже роста они оказались примерно одинакового, – Женька разглядела его глаза. Добрые, ироничные – безусловно. Но уж точно не молодые, уж точно повидавшие столько, сколько вообще-то никакому человеку видеть не следует. Разве что врачу-онкологу...

– А описание «стекол» вы привезли? – спросил он, закончив осмотр. Получив испитый с двух сторон лист, внимательно его изучил. Потом повел Женьку на маммографию и УЗИ.

В полутемном кабинете у рентгенолога ей еще раз взяли пункцию из образований в правой груди. Было не очень больно – игла не толстая. Но Женьке снова стало страшно и обидно за свою жизнь.

Выступили слезы, и заметивший это Евгений Александрович слегка сжал ей руку, возвращая обратно.

А узист – пожилой бесстрастный мужик, – полив ее обильно какой-то холодной ерундой, лазил своей железной штукой по ее животу, особо упирая на правую сторону, то забираясь вверх, на ребра, то уходя вправо, к середине живота. Потом заставил лечь на бок, снова полил холодной смазкой и начал смотреть ее правое подреберье сбоку и сзади.

– Печень? – испуганно спросила Женька.

– Вот ведь все грамотные какие, – пробурчал узист, но на вопрос не ответил.

– Жень, а где результаты прежних исследований? – спросил ее тезка. Женьке показалось, что он помрачнел по сравнению с моментом их встречи.

– Мне не делали, – виновато ответила она.

– Как не делали? – не понял доктор. – У вас там что, УЗИ нет?

– Аппарат есть. И очень замечательный, – почему-то обиделась за свой городок Грекова. – Просто специалиста нет. То есть тоже есть, но в декрете.

– Понятно, – вздохнул Евгений Александрович.

А мрачный узист тем временем, похоже, закончил свое дело, велел Женьке одеваться и нажал на какую-то кнопку, после чего его умный аппарат лист за листом начал распечатывать картинки с изображением Женькиных внутренностей.

Грекова в ту сторону старалась не смотреть: становилось еще страшнее, и все равно ничего не понятно.

Потом они снова шли по коридорам – Женька дорогу так и не запомнила, – после чего вновь оказались в первом кабинете. Здесь, наверное, было постоянное место работы Евгения

Александровича: компьютер стоял включенный, а за стеклом шкафчика виднелись электрический чайник и нехитрые припасы для быстрого перекуса.

– Кофе будете? – спросил Евгений Александрович.

– Не откажусь, – сказала Грекова. Безумная ее надежда на то, что столичные врачи скажут ей о грубой ошибке провинциальных коллег и сочтут ее, Женьку, здоровой, потихоньку улетучивалась. Чудес не происходило даже в такой нестандартно красивой больнице.

Доктор налил кипяток в две чашки, сыпанул туда по полной ложке растворимого кофе и по два куска сахара.

– Ну, давайте подкрепимся, – предложил он и отхлебнул первым.

– Может, скажете, что меня ждет? – не притрагиваясь к чашке, спросила Женька.

– Сложный вопрос, – сощурился доктор. – Сделаем анализы, посмотрим другие органы.

– В печени – метастаз?

– Не знаю. – Евгений Александрович тоже поставил кружку. – Честно, не знаю.

– Знаете, – печально сказала Женька. – А мне надо знать. У меня мальчик двенадцати лет с гемофилией. И девочке два с половиной. А мужа нет.

– Вы в разводе? – уточнил доктор.

– В разводе я с отцом мальчика, – горько улыбнулась Грекова. – Так что он, наверное, пристроен. А с Машкой, если завтра умру, что станет?

– Завтра не умрете, – жестко сказал Евгений Александрович. Теперь он несколько не походил на студента.

– А... когда? Я должна знать! – взмолилась Женька. – Мне же с детьми определяться надо!

– Не знаю я, понимаете? – теперь уже взмолился доктор. – Не знаю! В печени, возможно, метастаз. Тогда это четвертая стадия. Но не исключено, что это солитарный метастаз, больше ведь пока ничего не нашли, и лимфоузлы вроде не заинтересованы.

– Какой метастаз? – выдернула страшное слово Грекова, напроць пропустив про незаинтересованные лимфоузлы.

– Солитарный. Одиночный то есть, – объяснил доктор. – И вообще нужно смотреть, что за клетки. Если не слишком злые, то можно держаться довольно долго. – Он так и сказал про клетки: «Если не слишком злые». Как про людей.

– А вылечить можно?

– Не знаю. Но случаи с длительным выживанием были.

– Какие? – Грековой очень хотелось услышать хоть что-то успокоительное. И она услышала хорошую историю. Как раз про девушку Наташу со злой саркомой и метастазами, которая давно должна была умереть, а вместо этого успешно вышла замуж и родила чудесного сына. Кстати, и рожать ей было нельзя по всем показаниям.

– Это такая болезнь, ход которой не всегда предскажешь, – внушал ей доктор. – Слишком много вариантов.

– А можете назвать лучший и худший? – спросила, замерев сердцем, Женька. – Мне же очень важно знать! Не бойтесь, я в петлю не полезу, особенно если и так осталось мало.

Евгений Александрович задумался.

– Если все плохо, то четыре-пять месяцев. Если терпимо – годы. И если очень повезет, совсем вылечим, как раз сейчас новые препараты опробуем. Точнее будем знать только после полного обследования и лапароскопии.

– Что за лапароскопия? – Женька почему-то опять встревожилась – не из-за возможных «четырёх-пяти месяцев», а из-за непонятого, угловатого слова.

– Прокол живота и забор клеток. Такая маленькая полуоперация, – ободряюще улыбнулся он. – Больно не будет, это под наркозом. Лежать потом тоже не надо.

– Но хоть пятьдесят на пятьдесят получается?

– Можно сказать и так, – после некоторого раздумья произнес доктор. Может быть, врал, но Женьке очень хотелось верить.

Доктор Грекову не гнал, но было видно, что он начинает торопиться. Она знала, что день операционный и ей надо уходить.

– Вы остаетесь? – прервал молчание Воробьев. – Отвести вас в приемное отделение?

– А можно завтра? – спросила Женька. – А то дела еще есть.

– Важные?

– Очень.

– Тогда можно. Один день роли не сыграет.

– Спасибо. Завтра утром я буду у вас.

– Приходите, Евгения. – Доктор даже галантно поклонился на прощание, как будто не в раковую больницу приглашал, а на светский раут. – И привет Семке! – Это уже когда она в коридор выходила.

Потом – все в обратном порядке. Снять бахилы. Надеть пальто. И даже когда шла от нового корпуса к старому, опять встретила тех двух мужиков, в пижамах под пальто. Только теперь рассказывал второй, а первый, сиплоголосый, слушал.

Когда шла по аллее к проходной, зазвонил телефон.

Звонил Греков. А она о нем и не вспомнила. Вот ведь неблагодарная...

– Ясность есть? – спросил бывший супруг.

– Ясность есть, – ответила Женька. – Пусть и не полная, но, безусловно, ясность.

– Ну так говори! – чуть не заорал Греков.

«Бедняга, его ведь тоже приперла эта болезнь», – вдруг заново осенило Женьку. Все планы его порушила. Конечно, не так трагично, как ее планы. Но ведь и болезнь не его!

– Пятьдесят на пятьдесят, – даже как-то весело повторила она свой диагноз. И добавила: – Как в казино. Приеду – расскажу подробно.

А больше сказать было нечего, поэтому дала отбой.

Солнце по-прежнему светило ярко. По парку гуляли больные с гостями, и хотя их положение вряд ли было сильно веселым, многие улыбались.

А может, и в самом деле все не так плохо? Женька ни разу в жизни не была в казино, но точно знала, что там не все проигрывают, – иначе кто бы в них ходил? Может, повезет и ей? Тем более ей это так нужно...

9

Авдеева роскошную Егорову квартиру никогда не любила. Ее роскошь лишь напоминала Ленке о том, что классовые различия не только Марксом выдуманы. Да и не смотрелась в ней Авдеева в отличие от Валентины органично. Даже в джакузи ни разу не залезла: смущали бесконечные кнопки на табло и светящиеся надписи на английском. К тому же эта чертова бадья время от времени что-то лепетала по-английски, в первый раз напугав принимавшую душ Авдееву до полусмерти.

Греков потом ржал, как сумасшедший, когда она в чем мать родила с визгом покинула ванную. А ей было не до смеха.

«Хоть бы разорилась его хренова фирма, что ли», – беззлобно подумала Ленка. Вот тут-то и пригодились бы Егору ее триста баксов в месяц.

Но ведь не разорится...

Она вздохнула и продолжила свое дело, смахивая влажной тряпкой пыль с дорогой грековской мебели: купить купил, а ухаживать не очень-то торопился. Тетку бы нанял, чем в грязи потихоньку утопать.

«Эх, женился бы Греков на мне – тут такая бы была чистота!» – раз мечталась Авдеева. Ну да ладно. Она ему и так красоту наведет, без загса.

Ленка заглянула в спальню. Машка лежала рядом с братом, обняв ручонками его тоже довольно хиловатую руку. Оба спали.

Это хорошо.

Потому что когда Ленка пришла, здесь был вселенский плач – их мамаша только-только уехала в больницу. Малая редела в голос, Лешка ее, как мог, успокаивал, но по всему было видно, что ему свой успокоитель нужен.

Ребята Авдеевой сразу понравились, несмотря на то что Лешка на контакт шел неохотно. Впрочем, у парня были на то причины. Его собственная болезнь сильно усложняла жизнь, а тут еще такое с мамой. Взрослый не выдержит, не то что пацан.

Ленка задумалась о том, что мальчишку надо устраивать в школу. И желательно в частную: с его заболеванием жизнь надо вести осторожную и хрупкую – она уже получила подробные разъяснения на этот счет.

Женька даже привезла с собой крошечный холодильник, наполненный пакетами с ее же собственной донорской кровью. Вообще-то Лешке доставали специальный препарат, фактор свертываемости крови – доставал хорошо известный Авдеевой Сеня Гольц, у которого связи простирались повсеместно. А тут случился перерыв, и Женька подстраховывала сына собственной кровью в прямом смысле этого слова.

Ленка уже поняла, в чем здесь крылась подлянка. У мальчика с рождения отсутствовал, точнее, был существенно ниже нормы, фактор свертываемости крови. Их, этих факторов, вообще-то у людей несколько; у Лешки был сильно понижен фактор номер восемь, отчего ему давным-давно поставили диагноз «гемофилия А».

Лечение – предельно простое: нужно просто добавить недостающее, то есть ввести в вену этот самый фактор номер восемь (правда, правильнее писать его римскими цифрами – Ленка уже даже бумаги Лешкины медицинские посмотрела, чувствовала груз ответственности).

Есть фактор в крови – нет гемофилии. Нет фактора – любой порез или, скажем, удаление кариозного зуба может стать смертельным – кровь-то не сворачивается!

У Лешки гемофилия была средней степени. Это означало, что опасны были не только порезы и хирургические операции: кровоизлияния могли происходить и спонтанно, вызывая страшные боли и – если не принимать мер – приводя к потере суставов, «разъедаемых» излившейся в них кровью. А дальше – инвалидность и смерть.

В общем, отвратительная была у Лешки болезнь, если лишить его импортных препаратов (отечественными тоже можно было экстренно остановить кровотечение, но рискуя попутно заразить парня гепатитом, а то и СПИДом, – наши еще не делали подобных, гарантированно свободных от вирусов).

Все это Женька объяснила Авдеевой еще вчера, упомянув и про резерв в переносном холодильнике – прибор, похоже, обошелся мамаше недешево, зато выдавал требуемые минус сорок по Цельсию. А кровь свою собственную Женька использовала именно для того, чтоб уберечь мальчика от возможного заражения. «А раком она его не сможет заразить?» – промелькнула в Ленкиной голове страшная мысль. Сама же Авдеева ее и отбросила: нечего себя заранее страшить, тем более что резерв вообще-то не предназначался для использования: Гольц вот-вот должен был привезти следующую партию фирменного препарата, давно заказанную Грековым.

Вчера они с Женькой долго трепались по телефону. Авдеева к бывшей грековской жене абсолютно не чувствовала ревности, не то что к Валентине. И Женька тоже разоткровенничалась. Сказала, что если выживет, непременно разбогатеет. Ей это действительно надо: ведь дорогущие западные препараты (одна инъекция – сто пятьдесят долларов) при постоянном введении могут обеспечить ее сыну обычную, нормальную жизнь. Чтоб не боялся споткнуться или ножиком карандаш чинить. Но денег надо много: укола надолго не хватает.

Так что цель благая, Ленка и сама бы ради такой цели не отказалась разбогатеть.

Она снова заглянула в комнату. Машка еще спала, а Леша сразу повернул голову на звук.

– Леш, как дела? – тихонько спросила Авдеева.

Мальчик улыбнулся, и на сердце у Ленки затеплело.

– Ничего, – тоже шепотом ответил он.

– Пойдем чай пить?

– Пойдем. – Лешка осторожно, чтобы не разбудить сестренку, высвободил руку, и они направились в кухню.

– Ты учиться-то собираешься? – спросила Ленка, присев за стол рядом с мальчиком. Тот не спеша пил сладкий чай, заедая нестандартным бутербродом, сварганенным Авдеевой из разрезанного вдоль и пополам сладкого бублика, сливочного масла и костромского сыра.

– А я учусь, – проглотив, ответил Лешка.

– Там, у себя?

– Ага. – Понимая, куда она клонит, Лешка предмета разговора не одобрял.

– Леш, непонятно ведь, сколько маме лечиться.

– Она мне обещала, что не умрет, – буркнул он.

– Когда обещала? – невпопад спросила Ленка и сама же себя укорила за вопрос.

– Позавчера. Вы не верите? – подозрительно спросил он Авдееву.

– Верю, конечно, Лешечек, – серьезно ответила Ленка. – Вот только лечение может оказаться не таким быстрым.

– Я не хочу в новую школу, – тихо сказал Лешка и опустил голову. Его глаза заблестели, и Ленка прекрасно понимала почему.

– Знаешь что, дорогой, – посуровела Авдеева. – Ты стесняешься своей болезни, это скверно.

– Ненавижу, когда меня жалеют, – поджал губы мальчишка, стараясь не зареветь. – То не тронь, сюда не ходи...

– Это ты брось. Ты сам обязан быть осторожным. Ты же не хочешь сделать свою маму несчастной?

Такой поворот темы озадачил мальчишка.

– Не хочу.

– Ну вот! Значит, конечно, нужно предупредить ребят, чтоб тебя не толкали и не задевали.

– Я больше не хочу быть фарфоровой вазой!

– Какой вазой? – не поняла Ленка.

– Учительница сказала, – не выдержав, уже в открытую плакал Лешка, – чтоб со мной, как с вазой фарфоровой. Меня потом дразнили.

– Лешечек, – Авдеева потрепала парнишку за вихры, – дураки тебя дразнили. Это же не навсегда. Мама ведь рассказывала тебе про новые лекарства?

– Рассказывала, – сказал он, вытирая глаза, – все-таки Женькин сын был сильным мальчиком. – Только у нас таких денег нет.

– Вот ты и заработаешь, – подытожила Ленка. – Но тебе для этого надо в детстве не помереть, понял?

– Понял. – Лешка уже улыбался – Авдеева ему явно нравилась, и ее разговоры вовсе не походили на обычные нотации.

– А потом, пока мама болеет, Машка будет только на тебя опираться, – серьезно добавила Ленка.

– Похоже, больше не на кого, – сопнул носом мальчишка, сразу как-то повзрослев.

– Ты не обижайся на отца, – спокойно сказала Авдеева. – Ему просто надо привыкнуть к ситуации.

– Постараюсь, – уже тоже спокойно ответил мальчик.

Когда Машка проснулась, Ленкина помощь действительно не понадобилась: братишка управился со всеми проблемами сам, вызвав искреннее уважение Авдеевой. Единственное, что ей не понравилось, – это когда он с ребенком на руках ходил по скользкому, забрызганному водой кафельному полу ванной. Авдеева и представить себе боялась, что будет, если Лешка, не дай бог, споткнется. Но ведь и из жизни его не выключишь?

Тем более что Машка в отличие от брата Ленку вообще не воспринимала, даже на руки не пошла. Подобрела, лишь когда та приступила к кормлению детеныша. Авдеева даже усмехнулась: путь к сердцу лежит через желудок не только у мужчин.

Впрочем, ей и самой было в кайф смотреть, как Машка открывала свой маленький ротик с яркими, четко очерченными природой губками и ела приготовленную Авдеевой рисовую кашу. Маленький ротик, маленькие губки – а через пять минут тарелочка была уже пустой.

– На здоровье, – сказала Авдеева сразу повеселевшему маленькому человеку и подхватила к резко зазвонившему телефону.

Она ожидала услышать голос Женьки, обещавшей сообщить ей о результатах больничного осмотра, но услышала... Валентину.

Авдеева аж зубами скрипнула, так она не любила эту мымру, со всеми ее дипломами, языками и холеной задницей. Ленка, конечно, ее задницы никогда не видела, но почему-то

так и представляла себе эту дамочку во всяких там спа и турбосоляриях, в которых богатенькие барышни свои задницы и лелеют.

– Если вы к Грекову, то его еще нет.

– А когда будет?

– Не знаю, – злорадно ответила Ленка, обрадованная возможностью быть невежливой. – Я ему не секретарь.

– А кто вы ему? – очень даже вежливо поинтересовалась Валентина, прекрасно, впрочем, поняв, с кем разговаривает.

– Я ему подруга, – перешла на ее тон Авдеева.

– Понятно, – усмехнулась Валентина. Она никогда не была особо ревнивой, но считала, что каждый должен знать свое место. – После свадьбы проведу учет всех подруг. Оставлю только самых нужных.

– Когда я выйду за Грекова, непременно сделаю то же самое, – дала ответный залп Ленка и, оставив за собой последнее слово, положила трубку. Но что-то в груди екнуло: все-таки шансов у этой мымры, трезво глядя на вещи, было побольше.

– Это не мама? – Лешка подошел на звонок из другой комнаты, шагая несимметрично, как старинный арестант, к одной ноге которого тюремщики привязывали ядро. Только здесь роль ядра успешно исполняла Машка, вцепившаяся брату в коленку.

– Не мама, – еще не отойдя от словесного поединка, ответила Авдеева.

– А кто?

– Одна женщина.

– Папина любовница? – поинтересовался мальчик.

– А ты шустрый малый! – рассмеялась Ленка. – Вот у папы и спроси.

А дальше пришел домой только что упомянутый папа. И буквально через пять минут – Женька.

В целях поддержания боевого духа личного состава Егор заказал на дом в ресторане всякие вкусности – прогресс теперь это позволял легко, были бы деньги.

Но веселья так и не получилось: Женька, которой с утра предстояла больница и – в любом случае – тяжелый диагноз, пошла спать пораньше. Правда, держалась она теперь гораздо спокойнее и тверже. «Молодец все-таки Сеня, наверное, хорошего врача нашел», – благодарно подумал Греков.

– Ну я поеду? – спросила Ленка. – Вроде пока не нужна.

– Ты мне всегда нужна, – сделал комплимент Греков. – Хочешь – оставайся, все равно завтра приезжать. – Они с Ленкой договорились как минимум на три дня дежурства, чтоб дать Грекову временной лаг для поиска няньки-гувернантки.

– У меня свой дом есть, – сказала Авдеева.

Это было правдой. У нее действительно был свой дом, точнее, однокомнатная квартирка, доставшаяся от не жившего с ними отца. Авдеева очень гордилась своей квартиркой. Особенно до того, как увидела грековскую.

– Тогда я тебя отвезу, – заявил Егор.

– Не откажусь, – согласилась Ленка, только сейчас понявшая, как умоталась за день. Она ж всю квартиру, как Золушка, разгрела – а Греков этого даже не заметил. Впрочем, что с мужика возьмешь, все они одинаковые.

А ведь не только домашняя работа ее так притомила, вдруг осознала Авдеева. И даже не няньканье с горластой и вечно писающей, какающей либо желающей кушать Машкой. Больше всего напрягало именно постоянное ожидание проблем с Лешечком. Постоянное прислушивание – не упал ли, не ударился ли? Вот ведь точно сказано – «фарфоровая ваза». «Что за чертова жизнь у пацана!» – пожалела она мальчишку, еще вчера бывшего совсем в другой жизни, совсем чужого, а сегодня – уже нет. Уже болит за этого паренька ее, Ленкина, душа.

«Опель Вектра» – машина уютная и по-немецки добротная. И чего только Греков колготится? Она знала, что он уже контракт подписал на новую «Ауди».

– Слушай, чем тебе эта машина не подходит? – спросила она Егора.

– Всем подходит.

– Ну и зачем новую берешь? Она ж стоит немерено.

– Ты Джадда помнишь?

– Помню. Смешной такой. Напился, как наш – мордой в салат. – Джадд был руководителем всех представительств компании во всей Восточной Европе. Ленка видела его на одной из корпоративных вечеринок, куда ее привел Греков во время очередного «развода» с Валентиной. Именно Джадд продвигал Егора по службе, видя в нем самого достойного кадра российского представительства фирмы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.